

**ФИЛОСОФСКОЕ ПОНИМАНИЕ ВРЕМЕНИ
В СОВРЕМЕННОМ ПРЕЗЕНТИЗМЕ:
ГИБКИЕ РАМКИ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ**

О. Л. Краев

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации*

Поступила в редакцию 19 октября 2022 г.

Аннотация: в статье раскрыто понятие презентизма в контексте коллективной памяти и подтверждена практическая применимость этой концепции восприятия темпоральности на современном этапе. Выявляются психологические и общественно-политические обстоятельства, обуславливающие процессы проникновения прошлого в настоящее и особенности восприятия будущего в краткосрочной перспективе. Подчеркивается субъектность этих тенденций, иллюстрируемая на примере восприятия трагического прошлого в Аргентине.

Ключевые слова: презентизм, Ф. Артог, коллективная память, Аргентина.

Abstract: the article reveals the meaning of the term presentism in the context of collective memory and confirms the practical applicability of this concept of temporality perception today. The psychological and socio-political circumstances, which condition the processes of the past's incursion into the present and the peculiarities of the short-term future perception, are defined. The subjectivity of these tendencies, illustrated by the example of perception of the tragic past in Argentina, is emphasized.

Key words: presentism, F. Hartog, collective memory, Argentina.

На рубеже XX–XXI вв. в мире заметно усилилось внимание к проблематике коллективной памяти о событиях трагического прошлого. Эта тенденция нашла свое отражение в многочисленных коммеморационных инициативах (музеях, скульптурных композициях, цифровых проектах и т. д.), реализованных и реализуемых по всему миру. Она была обусловлена не только общественным запросом на рефлекссию, но и высоким конфликтным потенциалом тематики памяти, подлежащей зачастую крайне противоречивым трактовкам и оценкам. Отдельные группы могут характеризовать некие события как должное, благое и необходимое, а другие – как злодеяние, преступление. Активизация коммеморационной деятельности и развитие мемориальной культуры, равно как и ведущаяся на государственном уровне политика идентичности, является свидетельством попытки «исправить», скорректировать прошлое. В связи с этим важным представляется рассмотрение проблематики коллективной памяти с онтологической точки зрения, а именно – определение, каким образом прошлое становится частью бытия в настоящем.

Ключевым понятием, связанным с изучением свойств коллективной памяти, обуславливающих ее большое значение в восприятии окружающего мира, является презентизм. Этот многозначный термин был популяризирован французским историком Ф. Артогом, который применял его, как отмечают некоторые исследователи, в разных, даже противоречащих друг другу значениях.

В настоящей работе данное понятие используется как специфический способ ощущения темпоральности, при котором, в зависимости от времени и культурных особенностей субъекта восприятия, настоящее до некоторой степени превалирует над прошлым и будущим, вбирая их в себя [1, с. 32–34]. На современном этапе это обусловлено, например, такими факторами, как ощущение тревоги по отношению к неясному завтрашнему дню, усиливающееся на фоне ухудшения состояния окружающей среды, и необходимостью обозначить связь, преемственность, традицию в отношениях с прошлым [2, р. 6–7]. С терминологической точки зрения презентизм является частным случаем понятия «режим историчности», под которым понимается искусственный конструкт, предназначенный для интерпретации того, как люди воспринимали время в различные исторические периоды [1, с. 33].

Противоположностью презентизма выступает историческое отношение к прошлому: когда его восприятие автономно, а субъект познания не преследует каких-либо *неисторических* целей. Сторонником такой концепции является, например, М. Оукшотт, который, хотя и подчеркивает, что прошлое всегда проявляется и воспринимается в контексте современности (это сближает эту позицию с презентистской), в то же время опирается на то, что артефакты культуры, принадлежащие настоящему, являются подтверждением событий прошлого [3, с. 87–88]. Более того, восприятие событий и эпох с точки зрения историзма предполагает выделение в различных периодах специфических черт и закономерностей, которые в презентизме, лишенном «проспекции и ретроспекции», утрачивают свое значение из-за превалирования настоящего [4, с. 144].

В одном из своих исследований Артог рассуждает о преступлениях против человечности, совершенных во Франции в период Второй мировой войны, используя для иллюстрации проникновения прошлого в настоящее то, что наказание за них настигло ответственных лиц по прошествии десятилетий, поскольку эта тема отличается устойчивостью и не теряет своей остроты и актуальности [5, р. 117]. Здесь уместно сказать о том, что коллективная память о трагических событиях прошлого, или постпамять (т. е. память, носителями которой являются поколения, родившиеся после того, как трагедия имела место, но унаследовавшие воспоминания о ней [6, с. 7]), а также коммеморативная деятельность тесно переплетены с проблематикой прав человека и правосудия. Именно поэтому использованный Артогом пример особенно актуален в контексте настоящего исследования.

Необходимо заметить, что человеческая память субъективна и подвижна. Поскольку в этой работе презентизм рассматривается в кон-

тексте коллективной памяти о трагедиях прошлого, справедливо упомянуть о подавлении воспоминаний, их вытеснении и изменении (что сближает постпамять с симптомами посттравматического стрессового расстройства, о чем будет сказано далее), как характерных для человеческого мозга способах устранения тревоги и переживаний, вызванных пережитыми потрясениями [7, р. 192]. Эта подвижность, в свою очередь, влечет за собой возможность формирования ложной коллективной памяти, когда группы людей разделяют воспоминания, не соответствующие действительности [8, р. 10–11]. Неслучайно политические акторы проводят целенаправленную политику памяти, направленную на достижение конкретных практических целей и отстаивание нужной повестки и отличающуюся большой степенью политизированности [9, с. 282; 10, с. 40].

В связи с конструированием нарративов представляет интерес точка зрения Д. Канемана, который воспринимал в качестве настоящего (т. е. относящегося к настоящему времени) только то, что подлежит чувственному восприятию, тогда как память и история (которую он трактовал как «формализованную память») являются продуктами искусственного формирования с прицелом на соответствие желаемому нарративу [11, р. 309]. Таким образом, можно говорить о том, что мотивы отдельных акторов служат основанием для «втягивания» прошлого в настоящее путем актуализации необходимой проблематики, что является одним из факторов, влекущих за собой уместность и практическую значимость применения концепции презентизма для анализа коллективной памяти на современном этапе.

Утилитарное использование памяти и специфический взгляд на время, когда прошлое занимает ключевое место в настоящем и де-факто является его частью, находились в центре исследования А. Ассман, опубликованного в сборнике «Переосмысляя историческое время: новые подходы к презентизму» в 2019 г. Важно то, что автор обнаруживает в современных процессах презентизма сопротивление им отдельных субъектов, приводя пример травматического прошлого, когда сталкиваются интересы тех, кто находится на стороне пострадавших и актуализирует повестку прошлого, и тех, кто ведет целенаправленную деятельность, чтобы провести границу между вчера и сегодня [12, р. 207]. Именно эта зафиксированная А. Ассман субъектность, на мой взгляд, является важнейшим наблюдением, поскольку показывает, что презентизм и его превалирование сегодня есть следствие конкретных и осознанных действий и тенденций.

Особенностью постпамяти, делающей ее пригодной для целенаправленного внедрения в происходящие в настоящем процессы, является эмоциональная окрашенность, которая находит отражение в остроте дискуссии о болезненных страницах истории и позволяет отдельным акторам – в первую очередь, государству – использовать эти эмоции для продвижения собственной повестки в своих частных интересах [13, с. 226]. Полагаем, что одним из обстоятельств, делающих из постпамяти

эффективный рычаг для манипуляции обществом, является ее сущностная близость к посттравматическому стрессовому расстройству (ПТСР) [14, р. 28]. Под ПТСР понимается перенесенный стресс и совокупность симптомов, испытываемых лицом в течение продолжительного времени, и такое дестабилизированное состояние человеческого сознания, сопровождающееся повышенной возбудимостью и актуализацией болезненного воспоминания [15, с. 49], – как раз то, что делает его пригодным инструментом манипуляций и актуализации подходящего нарратива.

В связи с этим примечателен опыт некоторых латиноамериканских стран, где «прошлое» нашло широкое применение в общественно политической жизни. Яркий пример – Аргентина, где именно запросы политических кругов и гражданского общества предопределили реализацию в конце XX в. практических мероприятий в сфере правосудия, коммеморации, а также появление теоретических исследований «недавней истории» (*historia reciente*), прочно ассоциируемой с «семидесятьюми» (годами прошлого столетия), когда в стране действовал диктаторский режим военных, политика которого оставила глубокую травму в коллективном сознании общества [16, р. 107].

Говоря о процессах актуализации «нужных» воспоминаний в контексте постпамяти необходимо также отметить отсутствие единой точки зрения на то, каким образом проходит процесс передачи воспоминаний из поколения в поколение. Исследовательница К. Дутка, рассматривая кейс политико-религиозного конфликта в Ирландии, оспаривает точку зрения о том, что постпамять формируется как бы автоматически, посредством самого факта рождения человека в определенной среде, а значит, с детства. Эмпирические результаты ее исследования свидетельствовали о том, что постпамять может формироваться и в зрелом возрасте – всё зависит от того, в какой момент человек получил от носителя непосредственного опыта участия в трагических событиях национальной истории (в ее исследовании – это отец интервьюируемого) информацию, содержащую его личную точку зрения на произошедшее и его самоидентификацию как жертвы, и в итоге перенял этот ракурс как мировоззренческую установку, спроецировав тот опыт на себя [17, р. 81–82].

Обращение к уже упомянутому аргентинскому опыту, в частности, глубоко изученному в рамках социологического исследования коллектива авторов Ф. Бермехо, Ф. Мюллера и Х. Севаско, свидетельствует о том, что не только возрастные параметры играют роль при формировании коллективной памяти и ее доминировании в мировосприятии по прошествии многих лет. Так, опрошенные учеными носители левых взглядов имели значительно более глубокое представление о периоде диктатуры и демонстрировали большую готовность к обсуждению событий и обстоятельств, приведших к этому трагическому периоду в истории Аргентины. В значительной степени это объяснялось тем, что представители этой части политического спектра подвергались преследованиям в тот период [18, р. 22]. Из этого следует вывод, что эта группа более чувствительна

к практикам апеллирования к тому историческому периоду и именно поэтому левоориентированный курс аргентинского правительства начала XXI в. характеризовался большим вниманием к правочеловеческой тематике, правосудию и коммеморации [19, р. 196–197; 20, р. 23–24].

Другим любопытным взглядом на темпоральность в современном мире является точка зрения Ш. Ли Дауди, изучившей влияние технологического развития и цифровизации повседневности на восприятие времени. Она отмечает, что из-за повышения роли гаджетов в жизни человека люди перестают пребывать в настоящем. Во-первых, они реагируют на информацию, поступающую из цифрового пространства, которая архивируется (автоматически или же пользователь ее сохраняет на потом), оставаясь доступной в виде фрагментов сведений и обеспечивая постоянное присутствие прошлого в настоящем. Во-вторых, Ш. Ли Дауди отмечает, что сегодня наблюдается тенденция к превалированию мышления, ориентированного на краткосрочную перспективу, т. е. на будущее, а не настоящее. В-третьих, темп жизни человека настолько ускорился, что на настоящее «не остается времени», о чем свидетельствует максимально ускорившиеся ритуалы, например, похорон, минимально отрывающие человека от привычного распорядка дня [21, р. 181–185]. Эти наблюдения указывают на то, что презентизм (несмотря на этимологию слова) – это концепция, предполагающая взаимопроникновения темпоральностей, а не абсолютное (хотя и имеющее место) доминирование настоящего над прошлым и будущим.

Так как выше было обозначено, что настоящее в концепции презентизма переплетено и с завтрашним днем, переходя к завершающей части статьи, считаем необходимым пристально взглянуть на то, каким образом память о прошлом формирует будущее. Во-первых, исследователи, изучающие коллективную память и конкретные страновые кейсы, говорят о том, что коммеморативная работа направлена на то, чтобы заполнить оставшуюся после трагедии пустоту, пробел в сознании общества, чтобы либо отдать дань памяти исчезнувшей группе лиц, либо способствовать формированию новой группы (речь идет о политике идентичности) [22, р. 2]. Во-вторых, ученые-культурологи отмечают, что в коллективной памяти укоренено и «коллективное будущее», понимаемое как то, каким его себе представляет группа лиц. Это представление основывается на опыте, позволяющем путем применения методов генерализации и аналогий делать выводы о том, каким будет завтрашний день (например, обнаружение параллелей между событиями прошлого и настоящего наводит на мысль о том, что развитие событий после некоей исторической вехи позволяет прогнозировать, что нечто похожее может произойти снова в сходных условиях) [23, р. 80]. В-третьих, неудовлетворенность потребности в рефлексии по поводу трагического прошлого и коллективной травмы способна повлечь за собой практическое выражение недовольства теми политическими силами, которые, будучи наделены полномочиями и инструментарием для проведения соответствующей

меморизационной политики и определения идейных рамок постпамяти, не удовлетворили чаяний общества или отдельных групп [24, р. 119].

Таким образом, можно констатировать, что характер развития современного общества, в частности в технологической сфере, и такие глобальные тенденции, как, например, деградация окружающей среды, влекут за собой специфическое восприятие темпоральности, укладывающееся в концепцию презентизма. Одним из способствующих этому факторов является целенаправленная деятельность отдельных субъектов по актуализации памяти о событиях прошлого, о чем свидетельствует раскрываемый в настоящей статье аргентинский кейс. В контексте трагических страниц истории, оставляющих на долгое время след в сознании обширных групп, особую актуальность имеет проблематика нарушений прав человека и правосудия, актуализируемая посредством судебных разбирательств по поводу преступлений многолетней давности. При этом цели различных заинтересованных групп, внедряющих события прошлого в настоящее, могут различаться, что, в свою очередь, влечет за собой повышенную конфликтность проблематики коллективной памяти.

Ввиду подвижности памяти она оказывается пригодна для целенаправленной политики ее конструирования и формирования идентичности, а потому грань между тем, что было в прошлом, и тем, что обретает актуальность в настоящее время, оказывается весьма условной. Влияние технологического развития и проникновение современных ИКТ в жизнь общества также способствует постоянному присутствию прошлого в настоящем. Наконец, необходимо повторить, что презентизм не есть однозначное доминирование сегодняшнего дня над вчерашним и завтрашним. Хотя эта концепция и предполагает приоритет настоящего, вбирающего в себя прочие временные отрезки, особенности человеческого сознания, памяти и мышления влекут за собой – посредством актуализации событий прошлого – их непосредственное влияние на события будущего.

Литература

1. *Лоренц К.* Вне времени? Критические размышления о презентизме Франсуа Артога / К. Лоренц. – М. : Логос, 2021. – С. 31–64.

2. *Hellerma J.* Negotiating presentism : toward a renewed understanding of historical change / J. Hellerma // *Rethinking History*. – 2020. – December. – 24 (629). – P. 1–23.

3. *Демин И. В.* Преодоление презентизма : философско-историческая концепция Майкла Оукшотта / И. В. Демин // *Вестник Самар. гос. техн. ун-та. Серия: Философия*. – 2019. – С. 86–95.

4. *Шипилов А. В.* Презентизм : время до и после модерна / А. В. Шипилов. – *Культура и цивилизация*. – 2020. – Т. 10, № 4-1. – С. 143–155.

5. *Hartog F.* Regimes of historicity : presentism and experiences of time / F. Hartog. – *Columbia University press*, 2015. – 288 p.

6. *Хири М.* Поколение постпамяти : письмо и визуальная культура после Холокоста / М. Хириш. – М. : Нов. изд-во, 2021. – 428 с.

7. *Anderson M. C.* Suppressing Unwanted Memories / M. C. Anderson, B. J. Levy // *Current Directions in Psychological Science*. – 2009. – Vol. 18, № 4. – P. 189–194.
8. *Maswood R.* Persistence of false memories and emergence of collective false memory : collaborative recall of DRM word lists. / R. Maswood, C. C. Luhmann, S. Rajaram // *Memory*. – 2021. – May 26. – P. 1–15.
9. *Ассман А.* Длинная тень прошлого : мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман. – М. : Нов. лит. обозрение, 2014. – 328 с.
10. *Ле Гофф Ж.* История и память / Ж. Ле Гофф. – М. : Рос. полит. энцикл., 2013. – 303 с.
11. *Spector B.* Using History Ahistorically : Presentism and the Tranquility Fallacy / B. Spector // *Management & Organizational History*. – 2014. – Vol. 9, № 3. – P. 305–313.
12. *Assman A.* A Creed That Has Lost its Believers? Reconfiguring the Concepts of Time and History / A. Assman. – London : Rethinking Historical Time : Bloomsbury Publishing, 2019. – P. 207–218.
13. *Эппле Н. В.* Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах / Н. В. Эппле. – М. : Нов. лит. обозрение, 2020. – 321 с.
14. *Şimşek A. H.* Post-Memory : Family as a Space of Historical Trauma Transmission / A. H. Şimşek. – *Current Debates in Philosophy & Psychology*, 2017. – P. 21–34.
15. *Гаранян Н. Г.* Когнитивно-бихевиоральная психотерапия посттравматического стрессового расстройства / Н. Г. Гаранян // *Консультативная психология и психотерапия*. – 2013. – № 3. – С. 46–72.
16. *Allier Montaño E.* Balance de la historia del tiempo presente. Creación y consolidación de un campo historiográfico / E. Allier Montaño // *Revista de Estudios Sociales*. – 2018. – 65/Julio. – P. 100–112.
17. *Dutka C.* «What I Didn't Know» : Post memory and the Absence of Narrative in the Aftermath of Bloody Sunday / C. Dutka // *New Hibernia Review*. – 2016. – Vol. 20, № 2. – P. 80–97.
18. *Bermejo F.* Actores de la memoria colectiva del golpe de estado de 1976 y de la crisis de 2001 en Argentina : rol de la memoria cultural, la memoria comunicativa, la pertenencia generacional y la ideología política / F. Bermejo, F. Muller, J. Cevasco // *Revista de Psicología de la Universidad de Antioquia*. – 2021. – 19.04. – 22 p.
19. *Moreira C.* El kirchnerismo en Argentina : origen, apogeo y crisis, su construcción de poder y forma de gobernar / C. Moreira, S. Barbosa // *Sociedade e Cultura*. – 2010. – Vol. 13, № 2. – P. 193–200.
20. *Balé C.* Memoria e identidad durante el kirchnerismo : la «reparación» de legajos laborales de empleados estatales desaparecidos / C. Balé. – *Los Polvorines : Universidad Nacional de General Sarmiento*, 2018. – 242 p.
21. *Lee Dawdy S.* Death and Archaeology in the Present, Tense / S. Lee Dawdy. – *Rethinking Historical Time : Bloomsbury Publishing*, 2019. – P. 179–191.
22. *Breznik M.* Organized memory and popular remembering : the encounter of Yugo-Nostalgia theories with socialism / M. Breznik, R. Močnik // *Memory Studies*. – 2021. – October 26. – P. 1–15.

23. *de Saint-Laurent C. Thinking Through Time : From Collective Memories to Collective Futures / C. de Saint-Laurent // Imagining collective futures. Perspectives from social, cultural and political psychology / ed.: C. de Saint-Laurent, S. Obradovic, K. Carriere. – Palgrave Macmillan, 2018. – P. 59–81.*

24. *Vertzberger Y. Y. I. The practice and Power of Collective Memory / Y. Y. I. Vertzberger // International Studies Review. – 2005. – June. – P. 117–121.*

Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

*Краев О. Л., аспирант
E-mail: olegkraev@gmail.com*

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

*Kraev O. L., Post-graduate Student
E-mail: olegkraev@gmail.com*